

18+

Филипп Хорват

Удачная охота

Филипп Андреевич Хорват
Удачная охота
Серия «Выход в мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31771880

SelfPub; 2018

Аннотация

Это первая часть цикла «Выход в мир». Мика, Артур, Инка и прислуживающая им дикарка готовятся встретить Охотников – приходящих периодически в их мир странных людей. Они всегда приходят через портал, нагруженные высокотехнологичным оружием, защиты от которого нет. Помочь в схватке может только огромный людоед из семейства псовых да лазерная пушка – «Большая Берта». Но насколько реально победить Охотников, работает ли придуманный хитрый план?

Удачная охота

Просматриваемая Микой в окулярах бинокля местность перед границей в этот полуденный час была пустынной: кустики редкой растительности перед холмами и по их склонам застыли в давящей испарине солнечного штиля. Штабной домик на вершине дальней возвышенности тоже пустовал, – и это уж точно, не нужно даже проверять. Закипит жизнь в домике только завтра, и суета будет означать одно – скоро начнётся Охота.

– Мика, зачем мы это делаем? – спросил Артур, лениво отмахиваясь веточкой громадного лопуха от назойливо жужжавших, приставучих мух.

– Мы пока что ещё ничего не делаем.

– Но как... Рядом граница, нам нельзя тут находиться перед Охотой, ты же знаешь.

Мика, медленно проворачивая бинокль по всей дуге растилающейся перед ним панорамы, буркнул в ответ усвоенной с детства фразой:

– Я знаю, что ничего не знаю.

Артур тяжело и глубоко вздохнул.

– А дома сейчас праздник подготовки... Бабы пироги с мясом запекают, ночью – великий траходром... А мы тут ползаем, только брюхо царапаем на камнях...

Мика отложил бинокль в сторону, протёр покрасневшие глаза, зевнул.

– До чего ты, Артур, нудный. И зачем я тебя потащил с

собой, только и ноешь, причитаешь, вздыхаешь вон, – сам как баба. Пошли к схрону, жрать охота... Делать тут сегодня всё равно нечего.

Схрон располагался недалеко от их импровизированного наблюдательного пункта, – в небольшом овраге Мика с Артуром и Инкой соорудили шалаш, которой служил домом весь последний месяц. Инка сейчас как раз руководил приготовлением еды, то есть покрикивал и подгонял хворостиной дикую молодку, жарившую остатки туши убитого на днях оленя.

Сама молодка была отобрана ими из племени дегенератов, – красивая, статная девчонка с длинными ногами и большими сиськами. Даже удивительно, что у диких, которые по своему развитию едва ли превосходили лесных животных, рождались такие симпатичные девки. Кажется, на языке древних таких тёлочек называли секси, но это неточно.

Спустившись в овраг и пройдя едва различимой тропкой через заросли цепких, местами колючих джунглей, Мика с Артуром вышли на полянку схрона. Инка их даже и не заметил, – лениво покачиваясь, что-то напевая себе под нос, он отливал в кусты на другом конце полянки.

Первой заметившая возвратившихся молодка радостно взвизгнула и кинулась навстречу, что-то бормоча на убогом диалекте диких:

– Ысу, ысу, Мыка, Мыка, Артур, Артур, ысу мгабанега ош кала... Ош кала ысу...

Мика покровительственно похлопал ладонью девчонку по правой щеке:

– Ысу, дурёха, ысу, поддержи ты колбасу. Давай, показывай, чего ты там нам наготовила, жрать хочется как из пушки.

Подошедший Инка хворостиной отогнал молодку обратно к потрескивающему дровами костру, над которым нависал на вертеле внушительный шмат оленины. Глянув искоса на Мику с Артуром, спросил:

– Ну чего, всё спокойно?

Мика, снимая неспешно с плеч рюкзак, отвечал:

– А сам-то как думаешь? Завтра они придут. Так что да, спокойно, до завтра... Непокойно мне только за Артура, но-ет слишком много, даже молодка и та веселее выглядит.

Артур, состроив обиженную гримасу, отошёл к костру. Инка, поддернув мыском рваного сапога камешек, в который раз уточнил:

– Уверен, что они через этот портал завтра придут? Может, всё же через резерв?

Присевший на четвереньки Мика задумчиво рылся в рюкзаке. Достав из его недр деревянную свистульку, он несильно дунул её и посмотрел снизу вверх на Инку:

– Не дури. Через резерв они приходят, когда дегенератов много становится, им оттуда удобней их гнать. Сейчас Охота будет на нас, на слэверсов, значит, выйдут отсюда. Айда лучше Добрыню проведедем, соскучился, наверное, по мне...

Добрыня, здоровый, ростом в полтора метра пёс людоедской породы, сидел на привязи в джунглях позади лагеря. Имя своё зверь получил такое, потому что и правда был добрый. И даже не столько добрый, сколько лениво-добродушный, в жизни ни разу не прыгнувший на человека.

Мика воспитывал Добрыню с малых лет, буквально с того момента, как его приволок в деревню отец. Людоеды сами по себе стайные животные, жившие после Великого Гона далеко на выселках и к человеческому жилью не подбиравшиеся, – знали, что опасно. Однако, по несчастливой случайности в один из дней охоты деревенские мужики натолкнулись в джунглях на семью куда-то мигрировавших людоедов. Схватки тогда как таковой не получилось: самка с самцом после безуспешной атаки быстро отступили, оставив на полянке крохотного ещё детёныша, который толком и ходить-то не умел...

Именно его и принёс отец, препоручив зверька в руки Мики со словами «Сумеешь воспитать лютого правильно – хорошего защитника обретёшь... А не сумеешь... Ну, сам понимаешь».

Мика старался, воспитывал, благо, что по характеру людоедик оказался очень покладистым, отзывчивым. И умным – к трём годам выросший, окрепший, по виду довольно опасный пёс выделял такие штуки, что деревенские только диву давались. Мог, к примеру, по щелчку пальцев Мики перепрыгнуть широкий Чёртов ручей, привстать ненадолго на

задние лапы, перекувыркнуться через себя, а то и игриво, понарошку, напрыгнуть на человека, ласково рыча. Люди таких прыжков, конечно, опасались, но зная добродушный нрав возмужавшего людоеда, только яростно материли Мику, обучившего подобным трюкам зверя.

Срезав с висевшей над огнём оленьей туши приличный кус мяса, Мика углубился в растительную гущу позади шалаша. Вне деревенского дома они решили держать Добрыню всё же поодаль от лагеря, – тут непривычная обстановка, резвая молодка опять же, кто его знает, что людоеду в голову взбредёт на природе...

– Ну что, красавчик, заскучал по мне? – ласково затрепыхал по холке Добрыню Мика, присев на корточки и полуобняв пса. – А я, смотри, что принёс, ну-ка давай, жри...

Уговаривать людоеда не пришлось. Вцепившись могучими, острыми клыками (размером с человеческий мизинец) в мясо, он, сладострастно пофыркивая, буквально за пару минут разделался с громадным куском оленины.

Мика, улыбаясь, любовался зверем – такого красавца вырастить, и умного по сравнению со своими сородичами, и покладистого, и верного... Это дорогого стоит, в деревне таких людоедов ни у кого не было.

– И не жалко тебе его? – спросил стоявший поодаль Инка. Инка побаивался Добрыню, не доверял ему. Хотя признавал, что Мика вырастил довольно оригинальный образец псовых, но... сердцем чуял, что в авторитетах у людое-

еда только хозяин. И завидя реальную опасность от чужака, узрев хоть намёк угрозы для своей или Микиной жизни, – не задумываясь кинется на врага, растерзает в момент. А кто его знает в ком учует врага, в голову ведь людоеду не залезешь, может, и на тебя нападёт сдуру?

Мика от вопроса Инки как-то враз поскучнел, помрачнел...

– Жалко, не жалко, что за глупости? Решение принято, дело нужно делать. Добрыня мне родной... не знаю, как брат, что ли... Но брат брата понимать должен. И потом, я ж не по прихоти своей его на убой отправляю, для пользы ж нашей общей, столько раз уж обмусоливали...

Инка неуверенно поёжился, помахивая хлыстом в воздухе.

– Да вот кто знает, для прихоти или для пользы... Что такое польза, Мика? Нам ли об Охоте судить, может, она для нас и есть польза?

Мика резко встал, отряхнулся, зло глянул на Инку:

– Ты, Инка, что-то нюни распускаешь как Артур. Моча в голову стукнула, что ли? Вроде вчера сам над ним ржал, над трусостью его, и тут – в ту же реку.

– Да нет, это я так, раздумываю. Только ты зря Артура трусом называешь, не трус он. Сомневается он... И я тоже сомневаюсь. «Большая Берта» – опасная штука, поди, как и твой Добрыня.

– Ты за «Большую Берту» не беспокойся. Это моя голов-

ная боль. Как и Добрыня. Пошли в лагерь, пока Артур с молодой всё мясо не съели.

* * *

Обедали у очага в молчании. Срезая кривыми ножами сочащиеся жиром ошмётки мяса, кидали куски на широкие листья свежесрезанных лопухов лоа и посыпали получавшееся лакомство щепоткой крупной соли, добавляя по вкусу присыпку из острых семечек с огневого куста. На десерт оставались ещё бананы и собранные дикой с подлеска растрёпанные плоды оранжа.

Разомлевший после обеда на солнышке Артур, сыто порыгивал, любуясь расположившейся у его ног полуголой молодой.

– Эх, если бы не эта дурацкая Охота, взял бы тебя в жёны. Вот реально, что мне мешает? Ну, приведу в деревню, скажу старосте – венчай, уже ждём детишек как будто. А мне отец свою половину отделит, будем работать в поле, потом я, конечно, и свой дом построю... Эх, если б не Охота...

Подтачивавший о камень нож Мика поглядывал искоса с некоторой долей брезгливости:

– Ты, Артур, тесто бабье. Дом, семья, корыто для прикормленных кабанов, что ещё там нафантазировал? Дурень, староста твою молодку сам же первый выпнет из деревни, а то ты не знаешь. Дело делать надо, с Охотой их загнёмся всей деревней. И зачем я только тебя взял?

Подошедший Инка глянул на постепенно катившееся за листвою джунглей к горизонту солнце.

– Слышь, Мика, пора готовить «Большую Берту» что ли?

– Что её готовить? Она в порядке. Завтра утром поставим на паузу, навьючим Добрыню и вперёд, на подвиги. Впрочем, пошли осмотрим, старушку нашу...

Мика с Инкой залезли в шалаш. Здесь под пологом высохших стеблей широкого плюща собрано было всё их походное хозяйство. Шитые-перешитые спальники, немного прихваченной из дома утвари, пара дробовиков, удочки и прочая мелочь.

В дальнем углу шалаша стояла прикрытая рваным тряпьем «Большая Берта». Лазерная пушка досталась Мике в наследство от дедушки. История которого о том, как он добыл её, стала семейной легендой – легендой потому хотя бы, что подтвердить её было некому. Дед же рассказывал, причём в мельчайших подробностях, о близком контактном бое с одним из заблудившихся Охотников. Говорил о том, как он смачно всадил свой тесак в голову врага и, столкнув ногой тело убитого, остался один на один с ней – полуметровой стальной красавицей седьмого заряда.

«Большая Берта» – одно из тех мощных орудий, которые Охотниками в гоне редко когда использовалось. Обычно они даже не брали их с собой, поскольку лазер нужно было везти на отдельной тачанке-платформе. Против слэверсов «Берта» к тому же совершенно бесполезна: пока развернёшь, по-

ка наводку поставишь, – уже и палить в некого, так как все разбежались.

Мика знал, что «Берту» Охотники брали изредка для того, чтобы завалить крупного зверя. Идеально, например, ухнуть лазерным зарядом по туше гигантского неповоротливого носорога, дремлющего в жиге болота. Или же можно устроить переполох в сонме собранных на водопое стаей джанглкэтцев, – одного выстрела хватит, наверное, на то, чтобы осталось три-четыре закопчённые тушки хищников... Беда в том, что на животных Охотники облав практически не устраивали, не интересовали они их, видимо, в качестве жертв. На памяти Мики не было ни одного случая гона животных во время Охоты, хотя отец о таком вроде бы рассказывал.

Вообще, то, что деду удалось добыть «Большую Берту», Мика считал большой удачей. Он, правда, всё же не верил в то, что тот отвоевал её в бою, – дед был знатным фантазёром и приврать любил только в путь. Нашёл, скорее всего, где-то в джунглях... Тут, правда, возникает вопрос – как кто-то из Охотников мог такую махину проворонить?

– Ну что, я распатрониваю? – кивнул в сторону «Берты» Инка.

– Сам уж справлюсь, – буркнул Мика и раскидал по сторонам тряпьё, под которым скрывалось оружие.

Поблескивающий стальными лакированными боковинами лазер смотрелся в шалаше явно чужеродным артефактом: лесенка сцепок, пустовавшее крепление для генератора, вну-

шительная гашетка, даже переливающиеся бирюзой зарядные деления смотрелись внушительно.

Развернув «Большую Берту» стволом в сторону выхода, Мика присел на каменную глыбу и ласково погладил её по металлической поверхности, улыбнулся:

– Красавица, да?

Инка тяжело вздохнул.

– А ты уверен, что там два заряда? Может, дед твой и про это соврал?

Мика раздражённо махнул рукой.

– С этим не обманул. Ты к делениям зарядки приглядишься, две риски из семи раз в минуту проблеск дают, я ж уже объяснял... Значит, – два заряда там сохраняются.

Две боковые риски «Берты» (с обеих сторон) и правда с периодичностью раз в минуту перемигивались светом. Убедившись в этом в очередной раз, Инка тем не менее скептически заметил:

– Может, это вообще никакого значения не имеет. Мы же не знаем, как она работает. И потом, за столько лет заряд мог... не знаю там... улетучиться...

– Мозги твои улетучились, Инка. Мой дед всё прекрасно знал. И рассказал, как с помощью «Берты» ещё и хороший такой бада-бум устроить...

– Да-да-да, знаю. Зажать гашетку, поставить на паузу, тогда ствол прогреется изнутри, и нужно всего лишь садануть по ней снаружи, тогда – звиздец. Всего-то ничего, подума-

ешь. И чем ты гашетку зажмёшь?

Мика с лёгкой долей сочувственного сожаления глянул в сторону Инки, который от охватившего его нервяка даже ногой начал прихлопывать по земляному полу.

– У меня всё схвачено. Используем нано-ленту, она на мертво держит...

– И её же используем для крепления «Берты» к Добрыне, да? – перебил Инка, выразив тончайшим сарказмом своего тона максимум того скепсиса, на который он был способен.

– Не только. Закрепим верёвками, сверху положим ленту. Верёвки молодка пропитает к тому же в клеевом растворе, котелок она сегодня ночью на огонь поставит. Всё будет нормально, чего ты опять разнюнился?

– Твой план потому что бредом пахнет, ты уж прости. И потом, где гарантия, что Охотники начнут мочить по лазеру, а не завалят людоеда?

Мика призадумался.

– Вот тут да, тут ты прав. Остаётся надеяться на внезапность атаки, на эффект неожиданности... Если начнут шмалять в сторону Добрыни беспорядочно, то точно «Берта» жахнет. Двойной заряд – это, знаешь ли, может, даже Границу проломит...

Инка не унимался:

– Может проломит, а может и не проломит. Если вообще взорвётся, лазеру твоему сто лет в обед исполнилось.

Мика встал с камня, повернул «Большую Берту» в сторо-

ну и аккуратно завесил её тряпьем.

– Всё, хорош стонать. Пошли лучше пить взгонку.

* * *

Вытащив из подпола шалаша четыре бутылки мутной взгонки, Мика с Инкой вышли на полянку, к костру.

Слившиеся в крепких объятиях, с переплетением рук в самых интересных интимных местах, боровшиеся в страстном поцелуе Артур с молодой, казалось, вообще не чували, что происходит вокруг. Впрочем, ничего и не происходило, только огонь внушительно потрескивал в сгущавшихся сумерках, бросая оранжевый отблеск на разгоряченные тела страстных любовников.

– Кажется, дикая сегодня ночует с Артуром, – усмехнувшись, отметил негромко Инка.

– У костра она ночует, а не с Артуром, клей варить будет. Не забывай, завтра с утра выступаем, – Мика сморкнулся в подступающую темноту зарослей. – Хей, полюбовнички, очнитесь что ли, натрахаетесь ещё... Давайте лучше тяпнем взгоночки.

Без единой тени смущения Артур с девушкой в момент поднялись с земли, отряхнулись и, сев на брёвнышко, приняли от Инки по бутылке. Севший на пенёк напротив Мика приподнял свою бутылку:

– Ну что, давайте за успех завтрашнего похода, а? Хейло-хох!

– Хейло-хох, – повторили все разом.

Молодка, сделав большущий глоток, тут же поперхнулась, закашлялась, что-то защебетав на своём дикарском наречии.

– Во как, отменно пробирает, – повеселел тут же Мика. – Слушайте, мужики, я вот думаю, а хорошо, что мы эту бабу подобрали у дегенератов, да ведь? Не такой уж и тупой оказалось – готовит жратву сносно, трахается отчаянно, как будто последний раз в жизни, даже Добрыню вроде не боится... В отличие от тебя, Инка.

– А я его тоже не боюсь.

– Ой, да не звезды только, – вмешался в разговор Артур, – ты на метр к нему не подойдёшь без Мики. Да и с Микой, стоишь бочком, вроде не при делах.

– Я стою, как стою всегда при людоедах. У Добрыни есть хозяин, он за пса в ответе, я и не мешаюсь. Ты, Артур, расскажи лучше, как ночью от призраков бегал в джунглях.

Мика заржал, и так заразительно, что тут же засмеялась молодка (хотя она в упор не понимала в чём соль веселья). Не удержался от улыбки даже сам Артур:

– Придурок ты, Инка. Ни от кого я не бегал. Точнее, я бегал, бегал за кем-то, – за белой виверной, если говорить совсем уж точно. И это не призрак.

– Так бегал, что дробовик по ляжкам хлопал. Не существует никаких виверн, кому ты вот рассказываешь. Просто глюкануло тебя, струсил, ну побежал так, что пятки сверкали, ничего страшного, бывает.

Артур крепко приложился к взгонке, занюхал выпитое ру-

кой.

– Виверны существуют. Это... это... в общем, это страшная херовина, она реально огнём плещет, сжигает джунгли, деревенский староста вон видел как горело тогда всё жёстко...

– Алкаш старый наш староста, он всё что хочешь увидит после трёх бутылок взгонки и пива.

Артур деловито привстал с бревна, ловко воткнул бутылку в песок и, как бы заканчивая разговор, сказал:

– Можете не верить, можете ржать сколько угодно. Вы виверн не видели, а они есть. Так-то. Пойду за закуской схожу.

Артур ушёл в темноту, к шалашу. Инка, задумавшись, смотрел ему вслед, а Мика снова поднял в торжественном жесте свою бутылку:

– Ну чего тогда? Выпьем за несуществующих виверн? Хейло-хох!

В ответ выпила только дикая. Инка же как-то странно посмотрел на Мику:

– Слушай, а ты знаешь откуда пошло это название «Большая Берта»? Я только сейчас вспомнил, отец рассказывал в детстве...

Мика махнул рукой:

– Не-а, не знаю. Жги давай.

– В общем, у древних, давным-давно, когда не было ещё границы, было такое оружие, пушка. Такая громадная, и перемещалась на больших колёсах, причём управлялась

несколькими людьми. Это был не лазер, вроде как из его дула выстреливали снарядами ростом с человека. И вот во время великой войны древних такие «Большие Берты» расстреливали огромные укрепления с каменными стенами, в которых тогда жили люди.

Мика недобро усмехнулся, сделал глоток из бутылки.

– Враки всё это, Инка. Какие гигантские пушки, какие снаряды ростом с человека? Если бы у древних были такие орудия, они бы, наверное, не воевали даже, это ж не Охота. С такими «Бертами» воевать опасно, друг друга загасить можно только в путь... Смысл-то?

Инка снова задёргал нервно ногой, что случилось с ним от волнения:

– Ну, смотри, Мика... Древние же и вымерли, может потому, что таких «Больших Берт» много понастроили и друг друга... того... Да и потом, мне опять же отец рассказывал, что у древних и пострашнее оружие было, такое, которое пламенем целые деревни уничтожало в момент. Типа вот нашего лазера, только ещё страшнее и опаснее.

– Лазер это лазер, дурья твоя башка. Лазером можно вон несуществующую Артурову виверну, наверное, сковырнуть, с двумя зарядами – замочить группу Охотников, а так чтобы всю деревню огнём накрыть – это сказки.

Инка ещё приложился к бутылке, недоверчиво покачал головой:

– Ну, не знаю... Это два заряда нашей «Берты». А если б

их было, три? Четыре? Семь? И вот если по методу твоего дедушки, – поставить на паузу все семь зарядов, жахнуть как следует, то, наверное, такой взрыв получится, что и деревню раскурочит...

– Не раскурочит. Точнее, раскурочит саму «Берту», ты даже шевельнуться не успеешь. Дед говорил, что зажимать в стволе можно три заряда, не больше. Четыре уже опасно, а семь... Ну, сам понимаешь.

Тут из темноты за пределами полянки выполз Артур, в обнимку с тесно прижатой к груди тумбой барабана. Довольно улыбаясь, он присел на бревно и, установив барабан между скрещённых ног, начал несильно настучивать ладошками по натянутой коже.

– Ну всё, началось, – заворчал Инка. – Мика, а ты доставай свою свистульку, подыгрывай музыканту.

Мика и правда вытащил из-за пазухи свистульку и стал негромко посвистывать, чередуя короткие звуки одного тона с протяжными свистками другого. С учётом того, что и Артур чередовал ритм барабанной дроби, получалось интересно, – молодке во всяком случае явно нравилась музыка. Похлопывая в ладоши, она дополнила звучание, как бы разделяя размеренный ритм рождавших барабаном и свистком мелодии.

А потом и вовсе запела:

– Йаааааааээээнэ майлаааааааэне здоб лайнэ, скоп майнэ,
Вэээээймайлааааанэ адарак ва эйлааааааайнэ.

Пино лайлалай и ва лайнэ, скоп майнэ,

От москав, ворт москав даринэ ат скав вэйрэйнэ

Йааааааээээнэ майлааааааэне здоб лайнэ, скоп майнэ...

Моментами протяжный, моментами рвущийся гортанный голос дикарки артикулировал, переливаясь на слогах, каким-то чудным образом. И оттого пение насыщалось тягучей, тёмной печалью, которая, казалось, поднималась из самых глубин женской неизведанной души.

Ни единого слова из этой песни не было понятно ни Мике, ни Инке, ни Артуру. Но они явно прониклись её настроением, прочувствовали, как в сочетании с нехитрой музыкой, в сбивающемся ритме и в удивительной магии этой ночи рождается ощущение тоски, отчуждённости и одиночества человека перед расстилающейся вокруг пустотой большого мира...

Артур, отвернув голову в сторону, кажется, плакал, а Мика хмуро и всё чаще, чаще прикладывался к бутылке.

* * *

Утром, с рассветом, уже все были на ногах. Пока дикая варила маисовую кашу над очагом, Мика с Инкой занимались густой массой сваренного за ночь клея. Перелив его в мятое, битое жестяное ведро, пробовали чуть ли не на зубок, оценивая силу клейкости. Наконец, Мика, удовлетворившись качеством получившейся жижи, весело присвистнул и заявил во всеуслышание:

– Значит, я решил – Добрыня сегодня жрать будет тут, с

нами, на полянке. Это его последний завтрак, а значит...

Он не договорил, что это такое, «значит...», но было и не нужно, и так понятно всё. Только Инка заворчал глухо, в сторонку:

– Завтракать с нами, как же. Или нами, если почует недоброе...

Пока Мика с Артуром уходили за людоедом, молодка быстро разложила черпаком кашу по тарелкам, покрошив сверху мелкие кусочки фруктов. Для Добрыни она навалила в отдельную миску каши побольше, нашинковала туда припасённого с вечера мяса.

Добрыня, кажется, и правда почуял неладное. Нападать он ни на кого не стал, только глухо и как-то жалостливо заворчал, когда Мика ткнул его мордой в кашу.

– Ешь, чего ты, Добре? Смотри какая вкуснятина, побольше тебе положили сегодня, ешь давай.

Сами все завтракали в хмуром молчании, как будто преисполненные чувства важности от надвигающегося непредвиденного. Мика всё поглядывал в сторону Добрыни, который хоть и вылизал миску начисто, но лежал на полянке поодаль, настороженно приподняв лохматые уши.

Наконец, выпив две кружки крепкого чифира, Мика подытожил:

– Значит так. Пора собираться. С собой берём всё самое необходимое. Припасы, лишнюю одежду оставляем в лагере. Дробовики – тоже, но использовать без моей команды строго

запрещается, что бы ни случилось. Теперь главное, – «Большая Берта» и людоед...

Инка с Артуром вывезли из шалаша на тачанке лазер. Едва глянув на него, Добрыня вскочил и недобро, глухо заворчал, да так, что Мике пришлось подсесть к нему на корточки, обнять и ласково успокаивать.

– Эх, быть беде..., – простонал Артур.

– А ты не ной, и беды не случится, – осадил его Инка, но сам как-то неловко, мрачно сплюнул в сторону.

Дикая, тоже ощущая что-то неладное, глупо возилась с посудой, бренчала котелком, ворочала палками и сухостоем в тлеющих углях.

– Слышь ты, дура безмозглая, тащи клей. Артур, давай сюда верёвки, времени мало, – прикрикнул Мика.

Все засуетились, забегали. Инка начал смазывать тугие сплетения канатных верёвок клеевым варевом, Артур же подогнал лазер на тачанке поближе к Добрыне.

Добрыня внезапно успокоился. Хоть и чуял он, что надвигается нехорошее, но, видимо, как-то по-своему, по-звериному смирился с этим, всецело положившись на волю хозяйина.

Мика, примерившись, аккуратно подхватил лазер и припустил его на хребет псины, scomандовав Артуру перевязывать верёвками массивное орудие, пропуская их через пузо людоеда.

Артур, хоть и отчаянно трусил, но всё же принялся за

дело. Быстрыми, отточенными движениями вязал мажущую загустевшим клеем канатку вокруг тела Добрыни, а тот лишь глухо порыкивал, склоняясь головой к земле.

Когда «Берта» была уже довольно плотно привязана, Мика отпустил лазер, – сидело оружие крепко, внушительно. Порывшись в рюкзаке, он достал широкий шмат нано-ленты, закрепил её краешек поверх верёвок и, быстро разматывая, стал перевязывать в несколько слоёв, укрепляя «Большую БERTу» на собачьем хребте ещё больше.

Минут через пять дело было сделано. Оттерев пот со лба, Мика с удовлетворением отметил, что лазер держится на Добрыне крепко.

Отойдя на пару шагов, он скомандовал:

– Ну-ка, Добре, давай, ко мне, – поманил людоеда, и тот с лёгкостью (хоть и чуть заваливаясь на сторону) сделал пару шагов к хозяину. – Молодец, пёс, отлично, хорошая, умная собака...

Инка с Артуром переглянулись. Мика, будто почувствовав этот перегляд у себя за спиной, повернулся к ним:

– Чего ещё такое?

– Теперь как бы гашетку надо, – ткнул пальцем в сторону Добрыни Инка.

Мика нахмурился, повернулся к псу, голову которого он одной рукой поглаживал.

– М-да, гашетку надо бы... Сам знаю, что надо.

Перехватив нано-ленту, Мика опустил на корточки пе-

ред боковиной крепкой упакованной «Берты». Красноватый шип металлической гашетки, которая при нажатии давала импульс внутренним механизмам, запуская процесс выстрела, выпирался из паза, манил к себе...

Мика, зажав гашетку большим пальцем одной руки, тут же налепил нано-ленту на ободок возле паза, после чего, убрав палец, мгновенно стянул её на поверхности вдавленной гашетки. Прокрутив таким образом ленту в несколько слоёв, он замер, приобняв то ли «Большую БERTУ», то ли людоеда...

Убедившись, что манёвр удался, Мика, широко улыбаясь, обернулся к Артуру с Инкой:

– Ну что, лошье, выкусили? Я ж говорил, – мой план верный...

Артур с Инкой снова переглянулись, пожали плечами.

– Только не факт, что заряды в лазере вообще рабочие...

Мика резво поднялся с корточек, почесался:

– Ну давайте, понойте и сейчас ещё... В общем так, пятиминутная готовность, через десять минут выступаем. Все должны быть готовы, включая эту дуру с черпаком.

* * *

На вершину холма они поднялись к полудню. Развернувшись лагерем у большого камня, все смотрели в сторону границы, которая отделяла их мир от чего-то внешнего, такого, что было им незнакомо. И Мика, и Артур, и Инка точно знали, – там за границей есть что-то ещё, какое-то место,

непонятное, неведомое, территория, откуда всегда появлялись Охотники.

Они выходили из объёмной, широкой двери портала, — спокойные, уверенные в себе, вооружённые до зубов люди, точно знавшие за чем (точнее, за кем) они идут.

Их оружие значительно превосходило то, что было в арсенале слэверсов. Это и мини-лазеры, и грави-помпы, и огнемёты, ещё какие-то малопонятные орудийные приспособления, которые до поры до времени прятались в поблескивающих сталью ящиках, катившихся за Охотниками на тачанках. Случалось, что среди прочего оружия ехала и большая тачанка с какой-то особенной, видимо, усовершенствованной версией «Большой Берты».

Всё это оружейное хозяйство Охотники прятали на время своего кровавого промысла внутри Штабного домика, дверь которого открывать умели только они сами. Атаковать домик во время начавшейся Охоты было бесполезно, это всё равно что без какой-либо защиты или атакующего оружия наведаться к чавкающему миазмами болоту, в гости к семейству аллигаторов. В рассказах старших не раз всплывал случай, когда люди их деревни всё же налетели на Штабной домик. И беспощадная, жестокая расправа над бунтарями давно уже обрела черты своеобразного мифа, повествующего о безрассудной храбрости павших в неравном бою героев.

Мика долго рассматривал в бинокль и портал, и белесую поверхность уходящей ввысь прозрачной границы. Он знал,

что Охотники должны появиться спустя небольшой переход солнца по небу, примерно тогда, когда оно только начнёт клониться вниз, сползая постепенно по прозрачно-матовому горизонту. Время ещё оставалось, поэтому, спрятав бинокль в рюкзак, он, лаская Добрыню, на всякий случай проверил насколько крепко держат на теле людоеда верёвки с нано-лентой «Большую Берту».

Инка с Артуром шушукались поодаль. И судя по напряжённым лицам, – отчаянно трусили, как будто ожидая от будущей встречи с Охотниками мгновенной и жестокой расправы, в духе того кровавого кошмара, который расписывали в рассказах старшие. Молодка грустила, но как-то по-своему, – разгуливая туда-сюда, она негромко напевала что-то печальное.

– Ну чего рассупонились? – прикрикнул на Артура с Инкой Мика. – Сделаем так значит... Я с Инкой и Добрыней спускаюсь воооон к тому дереву, Артур с дикой остаются тут, у камня. Когда появятся Охотники сидите тихо, не высывайтесь, мы сами всё сделаем.

Вблизи портала и правда росло одинокое дерево. Широкий ствол с ветвистыми переплетениями сучковатой древесной коры, раскидистая крона ниспадающих чуть не до земли лиан и правда могли скрыть фигуры двух человек. Сами-то Охотники в сторону дерева, скорее всего, даже и не глянут, так что укрытие получалось почти идеальным.

К нему-то спустились Мика с Инкой и припадавшим на

ходу под тяжестью «Берты» Добрыней. Едва остановились отдышаться, как поверхность белесой границы затускнела, переливаясь радужными цветами, зарябила переливающимися волнами. Что означало только одно – вот-вот откроется портал и появятся Охотники. Времени на размышления не оставалось, пора было действовать.

Мика присел рядом с Добрыней, которой вдруг начал тоскливо подвывать, приобнял людоеда и вполголоса заупокаивал его. Побелевший же лицом Инка прирос телом к древесному стволу, даже не глядя в сторону игравшей радугой границы.

– Как думаешь, сколько их будет? – срывающимся в судорогах голосом спросил Инка.

– Откуда мне знать-то? Сколько будет, столько и будет, – как-то зло, свистяще прищёптывая ответил Мика.

– Ох, и поджарят они нас, чую, Мика, валить надо... Ни хрена из твоей затеи не выйдет...

Охотники начали выходить из открывшегося портала внезапно, – за группой из семи человек осторожно покатались и тачанки с оружейными ящиками. У каждого с собой висело на плече по одной единице лёгкой лучевой винтовки – поражающая сила каждой из них была не так уж велика, однако для «подогрева» «Большой Берты» мощности хватило бы.

Мика, шлёпнув Добрыню по боку, командовал коротко «Фас», – людоед тут же подорвался в сторону гостей. Бежал тяжело, рысью, переваливаясь, и Охотники заметили его не

сразу.

А увидев, переглянулись, и, ни слова не говоря, сняли винтовки с плеч. Выстрелить, однако, не успели, поскольку отвлеклись на неожиданный вопль:

– Стой! Стойте! Не стреляйте! Опасно, подорвётесь...

Со склона катился в клубах пыли, спотыкаясь и продираясь через кусты не кто иной, как Артур. Стремление предупредить, доложить Охотникам об опасности было так велико, что даже жёсткий кувырок через голову, с беспощадным приземлением на землю, его не остановил. Вскочивший в момент Артур продолжал бежать, всё так же отчаянно вопя, даже захлёбываясь в хрипе.

Это маленькое шоу, судя по всему, на Охотников впечатления не произвело. Один из них (видимо, главный) коротко, но внушительно бросил:

– Фаер!

И огонь потёк из лучевых винтовок, – мощный, искристый, раздирающий треском сонное степное марево вокруг. Охотники стреляли в разные стороны, почти не целясь, – палили и по Добрыне, и по бежавшему навстречу Артуру.

Хорошо прожаренный, вспыхнувший Артур свалился на землю в пару секунд, извиваясь и крича от безумной, огненной боли.

Мику Артур не интересовал, – вцепившись намертво в сучковатую кору, он высматривал, что происходит с Добрыней. Шансов против шквального огня у того, конечно же, не

было. С болезненно-хриплым клёкотом зверь припал к земле в нескольких шагах от Охотников.

– Ну же, сука, давай, грёбанная «Берта», залепи им по самые яйца... – молил, стонал Мика, ломая ветки дерева.

И грянул гром, порождённый смертельно-огненным смерчем ядрёного взрыва, взрыва настолько сильного, что волна ошутимого жара окатила даже Мику с Инкой.

Подрагивающий от напряжённого восторга Мика уже не таясь выглядывал из-за дерева, в ожидании пока успокоится бушующий огонь. Бледный от страха Инка тоже замороженно всматривался в эту полыхающую жаром стену, приговаривая бессмысленно: «Получилось, получилось, мать родная...».

Как только гигантское огнево поутихло, открылась довольно безрадостная и... непонятная картина. Поскольку на выжженной огнём полянке дымились обугленные остовы с раскисшей по их поверхности массой какого-то догорающего под густым чёрным дымом материала. И близко не было тут скелетов со сгоревшими шматами человеческого мяса.

Подошедшие поближе Мика с Инкой озадаченно переглянулись:

– Что же это получается, Охотники... это... совсем не люди?

Мика сплюнул с досадой в сторону:

– А сам не видишь? Это херня какая-то... металл обугленный... я такого никогда не видел, как это вообще возможно?

Спустившаяся по склону холма дикая смотрела на догорающие останки Охотников тоже в большом удивлении. Она, впрочем, скорее всего, и не понимала, что тут происходит.

Инка между тем что-то вспоминал:

– Староста рассказывал как-то, что Охотники к древним отношения не имеют. Якобы они созданы были древними для их защиты, но потом что-то там пошло не так... Я не особо поверил в ту басню, он по пьяни рассказывал. А оно вон как оказывается...

Мика перебил его резким окриком:

– Заткнись, будь добр. Твой староста такой же недоумок, как и ты.

Инка тут же обиделся на Микины слова:

– Я, может, и недоумок, но как ты объяснишь всё это?

Мика посмотрел в сторону покорёженных взрывом металлических остатков портала:

– Объяснять буду не я, ответы находятся где-то там, – резко развернувшись к группе он спросил, – ну что, кто со мной?

Под словом «там» явно понимался внешний мир за границей. Раскуроченный взрывом портал зиял перед ними темнеющим зевом, маня таинственным, неизведанным, рискованным.

И если для Мики всё было решено, то Инка с дикой поспрашивали туда испуганно и недоверчиво, как бы спрашивая самих себя – а стоит ли оно того?

Внезапно откуда-то сверху прорезался противный, голодный писк. Вскинув головы, все трое увидели крылатую тушу странного, уродливого существа, вынырнувшего из облачного небесного марева. Зверь неспешно пикировал сверху в их сторону, фырская дымом и струйками огня из пасти.

– Да это же... белая виверна. Слышь, Мика, она самая... Значит, Артур не врал насчёт неё, действительно существует...

Мика оставался на удивление спокойным.

– Ну да, получается, не врал твой Артур. Виверна, огнедышащая притом. Но мы, что, так и будем стоять тут, дожидаясь как эта тварь нас поджарит?

Инка переглянулся с дикой, и, как будто всё в момент поняв и осознав, оба припустили в сторону портала.

– То-то же и оно, – усмехнулся Мика. И перекрутив руки в оскорбительном жесте, направленном в сторону постепенно снижающейся виверны, он тоже попятился вслед за товарищами, – всё веселье у нас только начинается.